

Виктор Егорщин

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Виктор Егорщин

Последний бой

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

Егорщин В.

Последний бой / В. Егорщин — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020

ISBN 978-5-907379-14-5

Сборник рассказов воронежского писателя Виктора Егорщина – это своего рода хроники трудного, но счастливого времени. Разноплановые произведения образуют единое целое: о повседневных и нехитрых событиях рассказано просто, честно, что вызывает полное доверие к автору и к его героям, над судьбами которых мы то смеёмся, то плачем. Перед нами современники – Батя и десантники, парапланеристы Николай и Сергей, пенсионер Степан Гаврилович, девушка Римма-Света и другие. Во многих внимательный читатель узнает себя. Их истории разные, но они заставляют пристальнее всмотреться в действительность, обнаружить что-то новое, взглянуть на мир под другим углом. Небольшие рассказы раскрывают секреты счастья, любви, ответственности, долга и чести.

ISBN 978-5-907379-14-5

© Егорщин В., 2020
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Батя и его урок	5
История парашютиста	8
Люцифер. Пьеса	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Егорщин

Последний бой

Батя и его урок

Удар был сильный и жёсткий. Его так учили в спецназе. После такого удара противник долго приходил в себя. Колька, не ожидая такого удара, цепляясь пятками за рюкзаки с парашютами, полетел к длинному столу, в конце которого стояла рация и лежал журнал регистрации прыжков.

– Приказываю: от прыжков отстранить, пусть окашивает взлётную с обеих сторон, а то волки заведутся.

Николай поднялся и стоял возле стола укладки парашютов.

– Чеченко, доложите отделению, за что наказан Иванчук, – командир отделения зло смотрел на шеренгу. – Иванчук, встать в строй.

– Неправильно совмещены вершины купола, – сделав шаг вперёд, доложил Чеченко.

– Нет, – взревел командир, – каждый может ошибиться. А он видел, что ошибся, и продолжил укладывать. Всем разойтись, через пять минут построение. Чеченко, завершите укладку парашюта Иванчука в безымянный рюкзак, – командир закурил сигарету. – Всем вольно, разойтись.

Жара. Солнце своими лучами стремилось сжечь полосатую ткань «колдуна». На дальнем секретном полигоне шла подготовка к участию в группе особого назначения 317-го парашютно-десантного полка. Командовал отделением Батя – Гольшев Василий Стефанович. Среднего роста, плечистый, с плоским сердитым лицом. Отделение, которым командовал Гольшев с первого дня в учебке, обновлялось уже дважды. Подбирал кропотливо. Начальство с ним не спорило.

Ребята обступили Иванчука.

– Вот уж говорят, что если при укладке парашюта у солдата есть возможность сделать что-нибудь не так, он ею обязательно воспользуется, – Тульский протянул сигареты Иванчуку.

– Не пидай на облако, погоду сломаешь, – Чеченко похлопал Николая по плечу, – после отбоя навалимся всем отделением и окосим твою взлётку. А чего ты, правда, не исправил ошибку?

– Думал, до обеда дважды будем укладывать, вот и решил – во второй раз исправлю.

– Отделение, – командир ещё не договорил «Стройсь», как все стояли навтыжку. – В самолёт бегом марш.

Все ринулись к самолёту. Командир не спеша поднял со стола два парашюта в безымянных рюкзаках и твёрдо пошёл к самолёту. Бросил оба рюкзака в салон и впрыгнул сам. Бойцы сидели лицом друг к другу. Пилот, опершись руками на стойки кабинного проёма, смотрел в салон.

– А теперь слушай мою команду (за неподчинение выброшу на высоте): приказываю. Иванчук, выбрать любой парашют и приготовиться к прыжку.

– Командир, отмените, мы ручаемся, этого больше не повторится, – Чеченко встал с металлической скамейки.

– Жалко? Жалко у пчёлки. Иванчук, выполнять приказание.

Иванчук нагнулся и взял ближний к нему парашют, начал надевать.

– Чеченко, отстегнуть у него запасной парашют.

– Товарищ командир, – но его оборвал дикий рык командира.

– Чеченко, выполнять, – рявкнул командир.

Когда была застёгнута грудная ляжка, командир поднял второй безымянный и последний на борту парашют и быстро надел его. Запаску отстегнул и бросил к пилотской двери.

– Прыгаю первым, всем смотреть, когда у него штаны намокнут, после моего прыжка или перед своим. Семёныч, поехали. Высота – восемьсот, точка сброса – прежняя, – махнул он рукой пилоту.

Самолёт прибавил обороты и медленно покатился к началу взлётки. Развернулся, остановился и, набрав обороты, сорвался ввысь. Командир стоял у двери. Николай, бледный и вспотевший, стоял за ним.

Чеченко подошёл к пилотскому проёму:

– Семёныч, дай свою спассистему.

Ребята затаили дыхание – они успели полюбить своего командира и втайне верили в какое-то чудо. Два парашюта, один из них неправильно уложен. Первым прыгает командир. А если...

– Коля, не открываешь до последнего, пока Батя не откроется, ты его догонишь, а дальше – как учили. И не ссы на облако – погоду сломаешь, – прошипел Чеченко на ухо Иванчуку.

И вот дверь распахнута. Первым у двери – командир, носом к его парашюту – Иванчук. Над пилотской загорелась красная лампочка.

– Вышли на точку, – крикнул пилот.

Командир шагнул в небо. Три секунды, четыре. Четыре секунды – это вечность. Николай лихорадочно наблюдал за распластавшимся в полёте командиром. Правая рука командира ушла под грудь, белое пятно вспыхнуло раскрытым куполом. Николай не выпрыгнул, а просто отпустил руки и вывалился из самолёта.

В голове Николая всё очистилось – только инструкция по прыжкам, наставления парашютистам. Николай выровнял падение, он не видел, как следом за ним вышел в небо Чеченко. Пять секунд, Николай наклонил корпус вперёд, дёрнул кольцо. Лямки неожиданно больно рванули вверх. Мимо пронёсся Иванчук и тоже открылся.

– Три, три купола! – радостно закричал Тульский. Ребята облегчённо вздохнули.

– Приказываю: всем молчать. Если хоть кто-нибудь узнает о сегодняшнем – всё отделение отправлю в Тулу.

Бойцы торжественно и смиренно слушали командира.

– Чеченко, три шага вперёд, – командир достал стропорез.

Самодельный, наборная из бересты ручка, острое лезвие, заканчивающееся толстым, тупым полукругом. В рукоятку врезан маленький компас.

– Дарю, – командир протянул Чеченко нож, – молодец, с тобой можно в боевое выдвижение. Встать в строй.

– Служу России! – радостно гаркнул Чеченко.

Отделение от неожиданности закричало: «Ура!»

К концу второго года Батю назначили командиром штурмового батальона. Каждый из одиннадцати его ребят уже командовал своим отделением. Иванчук был назначен заместителем командира батальона.

Афганистан, уезд Соруби, январь 1984 года. Их называли шурави.

На привалах или на небоевом марше солдаты пели:

Был в семьдесят девятом
Военной тайной спрятан
Полк триста сорок пятый
На ратные дела!

Но подвиги не скроешь,
И о его Героях —
Гвардейцах из десанта —
Недаром слава шла...

Ночь перед первым боем:
Здесь не парадным строем,
А в яростной атаке
Достигнут был успех.

Востротинская рота,
Сработав, как по нотам,
Поила кровью щедро
Чужой афганский снег...

История парашютиста

Звонок в дверь слился со звуком звонков по телевизору, там герою фильма постоянно звонили. Только на третий или четвёртый раз он понял, что это звонят к нему.

– Родители вернулись, – подумал он.

Во-первых, ему хотелось отремонтировать «свободные» концы парашюта, их нужно было прошить – зал заполнен шёлковыми облаками купола. Это, во-первых, а во-вторых, должен был прийти Сергей, друг по парашютному клубу. И ещё ему нужно было привести брюки в порядок: завтра родители ждали гостей, и присутствовать при этом ему было обязательно, на что мама очень строго указала.

Громко шлёпая босыми ногами по коридору, Миколай (правильное имя Николай, но все его звали Миколай, и родители тоже) громко крикнул:

– Открыто!

Но успел подойти к двери и отворил её.

На площадке в белом плаще, приталенном широким поясом, стояла девушка лет двадцати семи, с распущенными белыми волосами и уж очень ярко накрашенная.

– Милана, – представилась она.

– Николай, – ему сразу не захотелось, чтобы и она звала его Миколаем.

Николай растерялся и на самом деле не знал, что ему делать дальше. Стоял, ждал.

– Я пройду, – девушка взялась за пояс, намереваясь развязать его.

– Проходите, – Николай посторонился. – Это квартира Гимолаевых, – решил он, что с этими словами сейчас всё и прекратится.

– Я знаю. Наши родители решили завтра посидеть за праздничным столом, вот я и отважилась прийти к вам на помощь, – Милана уже вешала плащ на вешалку.

– Может, я чего-то пропустил, не знаю, а какой праздник-то?

– Ну как же! День рождения вашего папы, – Мила укоряющее посмотрела на Николая.

– Так мы во вторник отметили.

– Знаю, знаю. А теперь решили отметить вот таким составом, – Милана внимательно рассматривала Николая. – У вас, Коля, действительно уютный коридор, но я так устала...

Николай покраснел: столько держать её в коридоре, это слишком.

– Хорошо, проходите на кухню, в зале немного не прибрано.

Милана остановилась у зеркала, придирчиво осмотрела себя, поправила глубокое декольте на облегающем платье молочного цвета, прошла на кухню.

– Чай или кофе? Господи, хоть бы не кофе, почти вслух, подумал Николай. Ему совсем не хотелось колготиться с кофе.

– Если честно, – Николай насторожился, а Милана продолжала, – я сразу из института и к тебе. Другими словами, очень хочется кушать, я просто голодна.

В обычной ситуации «к тебе» осталось бы незамеченным, а сейчас это резануло слух.

– Легко, чего-нибудь придумаем, – Николай открыл холодильник.

– Коля, а давай, знаешь как, я сама приготовлю, только найди, во что переодеться: мамин халат будет велик, а вот папину или свою рубашку, будет замечательно. Вдруг капну на платье, и как же я буду завтра за праздничным столом.

У Николая чуть не выпала из рук прозрачная коробочка с сосисками.

Николая я знал давно. Ему трудно давались ухаживания за девочками, и уже совсем редко когда удавалось соединить в одно и согласие подружки, и поездку родителей на дачу. Сейчас всё выходило за рамки привычного развития событий. Было заметно, что он начал бояться её напористости.

Николай снял рубашку вместе с вешалкой, отстранил от себя. Нет, это будет слишком, решил он.

– Коля, а можно я сама, – Милана неслышно подошла и встала за спиной в мягких маминых тапках.

Николай прошёл в зал и начал вталкивать купол в большой нейлоновый мешок. Вошла Милана, собрала на спине рубашку, от чего та стала ещё короче.

– Ну, как-то вот так, – Милана качнула плечами: верхние пуговицы были расстёгнуты, тесный бюстгальтер обнаружил её, если по правде, то очень красивые груди.

Скажу сразу, что много, много позже, я был знаком с Миланой. И могу подтвердить, что девушка очень красивая и очень стройная, как говорит мой приятель, «ракета».

В коридоре на тумбочке зазвонил телефон.

– Сними трубку, – Николай утягивал продетую в люверсах мешка тесёмку.

– Да, да, Антонина Николаевна, это Милана... Да, всё нормально, мы собираемся обе-
дать... Коленька, тебя мама.

– Да, да, алло... Ма, я абсолютно не понимаю, что всё это значит... Почему тише, папа уже не работает в КБ, прослушку сняли... Хорошо, хорошо, только почему я узнаю об этом от посторонних людей... Ладно, разберёмся, – Николай громко положил трубку.

Зашёл на кухню. На сковороде шипели сосиски, залитые яйцом. Милана стояла у окошка, вертела в руках бутылку красного Санджовезе.

– Люблю вина тёплой Тосканы.

– Прослушал, вы в каком институте преподаёте? – он её ещё ни разу не назвал по имени.

– В медицинском, но я только учусь.

– А что так?

– Мама с папой долго соображали, где мне учиться.

– Для медицинского такие знания географии похвальны.

– А, это я с друзьями прошлой осенью в турне по Италии ездила, – Милана поставила бутылку на подоконник, там, где взяла, рядом с бутылкой белого Верментино.

– Какую бутылку открыть?

– А вам что нравится?

Николай мог и час рассказывать о сортах винограда в Италии, но запнулся и сказал:

– Мне по душе бутурлиновское производство, – больше не уточняя, он открыл бутылку белого вина (просто маме нравилось красное).

Ела Милана действительно с аппетитом, шустро орудуя ножом и вилкой. Бокал вина не сделал хотя бы нейтральным отношение к гостье. Милана часто вставала к кухонным шкафам: то за солью, то за мельницей с перцем. И всякий раз успешно демонстрировала свои красивые ноги.

С обедом было покончено. Николай собрал посуду в мойку.

– Я займусь посудой.

– Давай лучше позже, – наблюдать её порхание Николай больше не хотел.

В зале не прибрано, да к тому же везде лежало много папиных важных (для него) документов.

– Пошли в мою комнату, я покажу своё жилище.

Николай отворил дверь в середине коридора.

– Коленька, какой вы нетерпеливый, – Милана пальцем обвела рисунок парашютиста на футболке Николая.

Вошла в комнату. На одной стене у Николая полки со специальной литературой, там и «Книга термиков» Мартинса, и «Ментальная подготовка пилота СЛА» Мартынова, и «Понять небо» Пэгина, а ещё и «Дельтапланы», и «Руководство пилотам СЛА», и ещё, и ещё, и ещё. На

противоположной стене большие фотографии ребят на полётах. Есть фотографии и Николая – там он с поднятым куполом, торжественно улыбается. Много и других фотографий.

– Ух ты, какая у тебя странная библиотека. Нет, я больше люблю художественную, – она мечтательно посмотрела в окошко.

– Стены мало расставить, поэтому остальное держу в коробках, там и О. Генри, и Эдгар По, и отечественная классика – Толстой, Куприн, Тургенев. Из современных – Довлатов, Веллер, Аксёнов, Шукшин.

– О! Мы чем-то похожи. Мне тоже нравится Серёженька Довлатов, Вася Шукшин, – она повернулась и начала рассматривать фотографии.

– Но это всё как-то серьёзно. Мне больше веселенькое нравится – Мишанька Зоценко, пародист Санька Иванов, да даже Колюшка Гоголь, – улыбка не скрывала откровенного ехидства.

– О! Ты тоже летал? – Милана показала на фотографию Николая, где он был с поднятым куполом.

– Приходилось.

– Это незабываемое впечатление. Я летала в Греции, там привязывают тебя с парашютом к катеру и вперёд, над морем, красота!

– Ты просто настоящий пилот. Вспомнилось, один хулиган в Джубге осла привязал к катеру с парашютом и катал над морем. Потом вступилось какое-то общество в защиту бедного ослика, в общем, наказали хулигана.

Николай не знал, как вернуть Милану к заводским настройкам, но терпеть её такую он больше не мог.

Всё решилось как-то само собой.

– Коля, ты не против, если я сначала схожу в душ?

– Да ради бога, – Николай снял с верёвки сохнувшие джинсы, повесил ей большое полотенце. Удача сама шла ему в руки.

– А я тем временем спущусь в магазин, куплю хорошего вина.

Милана зашла в ванную, Николай быстро, не зашнуровывая, надел кроссовки и выскользнул в дверь. С шестого этажа спускался пешком, ему нужно было время, чтобы решить, как быть дальше, но ничего не приходило в голову.

В магазине он купил бутылку шампанского, две бутылки дорогого мартини, конфет.

Эх, если бы исчезнуть куда, дней на пять, мечтал в очереди на кассу Николай. И самым реальным для него было, если его украдут инопланетяне.

На улице у дверей магазина стояла машина ППС. Второго он рассмотреть не смог, а вот за рулём сидел лейтенант, ел чебуреки.

Сама судьба послала «луноход», решил Николай.

Дальше река событий делилась на два ручейка, которые потом сольются снова в реку. По-другому у меня не получается, кроме как рассказывать сразу о двух событиях.

Сергей, счастливый, ехал в маршрутке. Ему из Польши прислали два титановых карабина.

А в это время в квартире Гимолаевых, вулканом накрутив на голове мокрые волосы, Милана вышла из ванны, обернулась полотенцем, подвигала плечами. Милана понравилась себе в зеркале. Теперь неглубоко переткнула уголок полотенца, подвигала плечами, полотенце свалилось на пол.

– Вот так и надо, – решила Милана.

В дверь постучали, странно: если Николай, так у него ключи, да и дверь незапертая, удивилась Милана.

Сергей весело спрыгнул на остановке «Пирамида», нащупал в кармане гладкий металл карабинов, вошёл в подъезд шестнадцатипятиэтажки. Дверь ему открыла завёрнутая в полотенце девушка.

– Здравствуйте, я к Николаю, – взгляд Сергея был устремлён выше головы девушки, ему было неловко разглядывать завёрнутую в полотенце девушку.

– Коля спустился в магазин. Да вы проходите, он сейчас вернётся.

– Может, мне его лучше здесь подождать.

– Что вы, Коля не простит мне, что я держала вас на площадке.

Милана стояла в дверях, Сергей выдохнул, весь сплюснулся, чтобы не зацепить девушку, но это у него не получилось, легонько зацепил. Полотенце с готовностью соскользнуло к полу. Милана поймала его уже возле колен.

– Ради бога простите.

– Ничего, проходите, я только из ванной, – Милана снова обернулась полотенцем, подсунув уголок на нужную глубину, так, как охотники настораживают капканы. – Чай или кофе?

– Нет, нет. Я просто постою здесь, подожду Николая.

– Ну что это значит «постою здесь», разувайтесь и проходите на кухню.

Николай вышел из магазина, посмотрел на спасительную машину ППС: «Лада Веста» с синей полосой не могла предположить, что с ней такое произойдёт.

Николай сел на капот, машина качнулась, стакан с кофе соскользнул с торпеды и упал на штаны полицейского. Дверь машины распахнулась, отряхивая палкой ПР-Т мокрые штаны, вышел лейтенант.

– Слышь, ты, козёл, совсем оборзел, – полицейский угрожающе шёл на Николая.

– Ну, уже и посидеть нельзя.

Лейтенант больно ударил Николая по коленке. Николай нагнулся, чтобы погладить колено, но передумал, выхватил из пакета бутылку с вином и резко ударил по фаре. Фара рассыпалась. Выскочил второй. Избивая по спине и бёдрам, Николая скрутили и засунули в машину. Собралась толпа.

– «Двадцать седьмой», ответьте, – прохрипела рация.

– У нас задержанный, везём в отделение, – лейтенант повесил микрофонную коробку на козырёк от солнца.

– Тормозни на Леваневского, куплю что-нибудь. Этот клоун так и не дал нам перекусить. Остались вдвоём с лейтенантом, он за рулём.

– А ты знаешь, кто такой Леваневский? – для чего-то спросил лейтенант. Наверное, чтобы войти в доверие к задержанному.

– Лётчик, – устало ответил Николай, у него покалывали ладони, так бывает, когда, например, отлежишь руку. – А ещё о нём говорят: «Не дёргай судьбу за хвост, он у неё скользкий».

Замолчали, лейтенант, похоже, переваривал услышанное.

Иногда, включая сирену, машина продвигалась по «пробке» на Северном мосту. Внизу по воде скользили белые паруса яхт, кайтенгисты на лыжах. Николай прилип к стеклу, наручники сдавливали кисти за спиной.

– Здорово, смотри, как выписывает!

Кайтенгист взлетел метров на шесть над водой, чуть ли не на уровень моста.

– Что, занимаешься этим?

– Да, но только на суше, в термиках летаем в Сторожевом.

– А что приборзел-то? Что хамить-то начал?

– Так нужно было.

– Нужно, – передразнил лейтенант. – Во-первых, штраф, во-вторых, машина, в смысле ремонт, ну, и суток пять – десять, это точно.

– Меня это устраивает.

– Документы с собой?

– Нет, на пятые сутки и скажу, кто я и откуда.

– Ладно, тебе виднее, посидишь в «обезьяннике», может, другие решения возникнут.

Когда я об этом рассказываю ребятам, все задают один и тот же вопрос: «А что, нельзя было просто трахнуть её и выпроводить?» Наверное, можно, но я рассказываю о том, как было.

Сергей допивал третью или четвёртую чашку кофе. Прошло уже больше четырёх часов.

– Серёжа, а давай откроем бутылочку вина, – Милана указала на подоконник.

– Нет, нет, я не буду, я, наверное, пойду. Сколько можно ждать?

– Ладно, тогда мне хоть открой, – Милана потянулась за фужерами, полотенце опять сработало, как, впрочем, и было задумано. Наполнила фужеры на одну треть, пододвинула вазу с фруктами ближе к Сергею. На улице зажглись фонари.

– Серёжа, а что это у него в комнате за фотографии? – Милана взяла фужер Сергея в другую руку и направилась из кухни. Сергею ничего не оставалось, как последовать за ней. Когда вошли в Николаеву комнату, Сергей выдернул с полки книгу и сел на кровать.

– Слушай, а ведь это же ты? – Милана потянулась показать фотографию и полотенце опять соскочило. Теперь она не стала его ловить, а просто плюхнулась Сергею на колени.

Николай не пришёл и утром. Позавтракав с Миланой, Сергей стал собираться домой.

– Серёжа, а мне-то теперь как быть?

– Это мне теперь как быть?

– Я бы тоже ушла, но мне дверь нечем запереть. Придётся ждать родителей, – она обняла Сергея и жарко поцеловала его в губы.

Николай третий день врал в полиции имя, отчество и место жительства, и третий день ему говорили, что там таких нет. У него взяли и отпечатки пальцев и ДНК. Только на пятый день, как он и обещал, сказал свой адрес, имя, отчество и даже номер телефона.

Наверное, через час родители были уже в отделении. Оплатили всё, что положено, усадили Николая в старенькую «Волгу».

Мать, автор всех этих событий, виновато сидела на задних креслах.

– Ну, жених, рассказывай, – отец строго, но мирно смотрел на сына.

На свадьбу к Сергею собрался почти весь Аэроклуб. Через шесть месяцев у Миланы родилась дочь. Сергей стеснялся радоваться этому событию. Машину, чтобы забирать Милану из роддома, прислал преподаватель кафедры «Судебная медицина».

Полёты в Сторожевом выровняли отношения с Сергеем.

Люцифер. Пьеса

Действующие лица:

Брежнев Леонид Ильич, Генеральный Секретарь

Шейнин Лев Романович, Начальник следственного отдела Прокуратуры СССР

Вышинский Андрей Януарьевич, Генеральный Прокурор СССР

Суслов Михаил Андреевич, Член политбюро ЦК КПСС

Каин, Сын Евы

Люцифер, Дьявол

Действие первое

Зал заседаний членов Политбюро. Длинный стол, обтянутый зелёным сукном, по краю стола полированная широкая планка карельской берёзы. За председательским столом в стене две двери. На стене портреты Сталина и Ленина. Приглашённые собираются. Места не расписаны – каждый стремится сесть ближе к председателю. Сели. Суслов, Вышинский, напротив – Шейнин. Каин постоял и тоже сел у дальней стороны стола.

– Вы бы постояли, молодой человек, – Вышинский поправил очки, дёрнул короткими усами и пристально посмотрел на Каина.

– Сидите, сидите, Каин. Недемократично как-то, Андрей Януарьевич, – не поднимая головы, сказал Суслов.

Каин, не зная, кого слушать, остался стоять.

Дверь в задней стене широко, но тихо распахнулась, вошёл Леонид Ильич. На нём тяжёлый светло-серый костюм. Две Звезды Героя золотом блестят на пиджаке.

– Здравствуйтесь, товарищи, – Брежнев поздоровался и грузно сел в председательское кресло. Он знал повестку сегодняшнего совещания, поэтому Каина он узнал сразу, – а он что как неприкаянный стоит? – пошутил Брежнев.

– Присядьте, Каин, присядьте, – сказал Суслов.

– Приглашённые собрались, товарищ Генеральный Секретарь, – Суслов близоруко осмотрел присутствующих, – нет только Люцифера.

– Он всегда здесь, больше скажу – он в нас, – Брежнев поправил очки на столе. – Начинайте, Лев Романович.

– По сути, нашим следственным отделом были изучены уже существующие документы. Место преступления (скажем, «место трагедии») мы не осматривали. По материалам, изложенным в разделе Бытие, глава 4, зафиксировано, что Каин, старший сын Евы, позвал Авеля, брата своего, в пустыню к жертвенному столу, «и принесли они в дар Господу каждый своё: Авель – ягнят-первородок, Каин плоды полей своих. Бог принял дар только Авеля». Каин, по документам «Бытия», рассердился на несправедливость и убил брата, за что сразу же был наказан изгнанием и вечным скитанием на земле.

Главным в доказательной базе содеянного, – продолжал Шейнин, – это признание самого Каина. Других подтверждающих фактов нет. Правда, дополнительно отмечу, что никого других, кроме Каина, там не было и, как я понимаю, быть не могло. Адам и Ева – родители Каина – были дома. Дочь – Ада, сестра Каина и Авеля и, к тому же жена Авеля, готовила вечернюю трапезу. Так что в поле они были вдвоём.

– Товарищ Генеральный Секретарь, – на переносице Вышинского собрались складки, – он, не он – вопросов быть не может. Каин убил брата. И признание, и мотив – всё это, а это главное, есть. Сейчас, я думаю, вопрос должен стоять следующий, достаточное ли наказание за

содеянное. Товарищи, члены Комиссии, посудите сами – брат убивает брата. Какой социальный пример! А прецедент безнаказанности братоубийству.

– Да, сколько их полегло в гражданскую, тоже брат на брата.

– Не путайте, Михаил Андреевич, там завоевания революции на кону было, – Брежнев ещё раз потрогал свои очки. – Продолжайте, Андрей Януарьевич, – Брежневу тяжело давалось произношение отчества Вышинского, но называть его Генеральным прокурором не хотелось.

– Учитывая вышеизложенное, товарищи члены комиссии, предлагаю назначить высшую меру социальной защиты.

Каин, безучастно сидевший за столом, вдруг улыбнулся краешками глаз. Нет, даже не улыбнулся, а какая-то выразительная удовлетворённость мелькнула на его лице. Брата он ненавидел пуще прежнего, ненавидел людей и смертельно устал от этого. Жизнь отшельником на земле Нод, на востоке от Эдема, была просто невыносима. Никакой родительской радости не принесло и рождение сына Еноха. Единственное, что его отвлекало от дурных мыслей, – это строительство города, который Каин назвал именем сына своего – Енох.

Каин не знал, что такое «высшая мера социальной защиты», но душою чувствовал – это конец невыносимых мучений. Вот почему лицо Каина накрыло блаженство.

Шейнин, неотрывно наблюдавший за ним, успел это заметить.

– Так. Товарищи члены комиссии, найти изъян в выступлении Генерального прокурора нельзя. Только прошу вас обратить внимание на тот факт, что Каин рос, по сути, без родительского воспитания. Мы вот напрасно не пригласили Макаренко или Ушинского, – Суслов прижал карандашом какое-то слово на листе перед собой, будто боялся, что оно куда-то исчезнет, – думаю, что они тоже бы отметили это. А ещё это пагубное влияние Люцифера, – Суслов ещё раз осмотрел членов комиссии.

Тяжёлая штора закрытого окна вдруг парусом надулось, будто что-то большое и мягкое влетело через пуленепробиваемое стекло. В зале раздался голос, негромкий, но удивительно ясный, чистый. Звуки, слова спускались со всех стен, потолка, поднимались с пола:

– Позвольте не согласиться с вами, – Люцифер стоял за спиной Каина, положив ему руки на плечи, опустив грязного цвета крылья. – Никакого пагубного влияния не было. Да, мы часто и помногу разговаривали о несправедливости слов Божьих, о невозможности познать истину, следуя заветам Господним. Но подстрекать к убийству – помилуйте. Можете спросить у господина Байрона – он подробно описал мои беседы с Каином во время наших полётов по звёздной Галактике.

– Ты, сатанинское отродье, – Шейнин по привычке локтем левой руки нащупал кобуру. Пустая. Пистолет сдал при входе. – Прямо ангел небесный.

– Так оно и есть. Вы, Лев Романович, абсолютно правы. Только вот рода у меня нет – я Сатана, первый и единственный. И ангел я, это действительно, низвергнутый с небес. Не сошлись с Богом, как у вас говорят, по политическим мотивам. Но людям на земле я сатанинским началом, знаменем дерзости не был. Сами тянулись ко мне. Вот у вас на стене висят мои ученики. Межи не проведёшь – где кончаюсь я, и начинаются они. Храмы Божьи разрушили – ну это, как бы, моё учение. Но попов в подвалах стрелять – это самостоятельная работа.

Портрет Сталина качнулся, затем выпрямился:

– Не заседание комиссии, а какой-то пионерский кружок. Где Лаврентий? Ты, Люцифер, нас с собой равняешь. Время-то какое было?

– Для грехов и добродетели, Иосиф, время не меняется. Оно вообще не меняется, оно постоянно. Вот Каин подтвердит: мы Галактику облетели, а вернулись – вода ещё продолжала стекать из опрокинутого кувшина.

– Скажи, Люцифер, ведь творить зло затратнее, чем добро, Косыгин бы сказал, что инвестиций душевных больше требуется, – Суслов был доволен, что помянул товарища по партии.

– Понятия добра и зла философские.

Открылась главная дверь, вошёл фельдъегерь в чине полковника.

Фельдъегерь:

– Извините, товарищи, из МИДа передали, очевидно, Суслову. Сказали, что уже неделю у двери стоят.

Полковник протянул свёрток крайнему. Люцифер взял свёрток.

– Да, Михаил Андреевич, это вам. Калоши. Вы их на прошлой неделе забыли у двери. Громько приказал к ним охрану приставить, – Люцифер протянул свёрток через весь стол.

– Спасибо, полковник, свободны.

Полковник вышел. К Брежневу подошла медсестра Нина Коровякова, что-то прошептала ему на ухо.

– Есть мнение, товарищи, сделать перерыв и вторую часть провести в Завидово.

– Нездоровится что-то, Леонид Ильич, да и сыро там, – Суслов просяще глянул на Брежнева.

– Едем, едем, Михаил Андреевич, у вас теперь калоши есть.

Все засуетились, вышли. Члены комиссии – в главную дверь. Леонид Ильич и Нина Александровна – в дверь за креслом председателя. За столом остался Каин. Рядом с ним – Люцифер.

– Мог ли ты представить, дорогой Каин, что судить тебя будут люди, погрязшие в бóльшем грехе, чем ты? Да, кстати. Ты когда-нибудь видел меня в старой офицерской шинели или в фуражке с бородкой? Нет? Вот, пожалуйста, на стене мои портреты. Да, да – это я, Каин. Это мои портреты.

– Прекрати, Люцифер, прекрати. Меня за это убили, – портрет Сталина стал багровым.

– Ты жив, Иосиф. Вот, я перед тобой. Ты, Иосиф, это я, Дьявол. В тебе мне было легко. Эти, как ты их назвал, «пионеры», и сейчас думают, что я, поселившись в душах Колчака, Врангеля, Деникина, творил зло на земле. С ними у меня, Иосиф, не получилось, ты знаешь, что-то пошло не так. В Бога верили, в царя. Вот с Троцким, Свердловым, Блюхером, Тухачевским, Жуковым, с тобой – получилось. Со всеми понятно, ты боялся, что они мной станут. А Жукова ты зачем постоянно в клетке держал?

– Ты, Люцифер, просто Дьявол, а Жуков – Дьявол гениальный. Помнишь, взятие Берлина. Вот. Если бы Георгию было поручено строительство Днепрогэса, то турбины вращала не вода днепровская, а кровь строителей. Поэтому и приходилось его за воротник держать. Выключи свет, Люцифер, – устал я.

Портрет Сталина принял прежние коричневатые тона.

Брежнев через свой кабинет прошёл в комнату отдыха. Проходя мимо своего стола, он закрыл красную папку с документами. Пиджак повесил на спинку кресла. Два солнечных зайчика от Звёзд Героя забегали по стене и остановились. Нина Александровна поправила подушку под головой Леонида Ильича. Из тумбочки достала пузырьки с лекарствами, из каждого взяла по одной пилюле, положила в неглубокую чашку, задумалась, вынула из кармана халата ещё таблетку – положила туда же.

Брежнев спал. Во сне ему медленными картинками вспоминалась война. Как он дважды в группе сопровождения представителей штаба фронта посещал Малую землю. А когда начала действовать таблетка из Нинино халата – в мутнеющем сознании рисовалось и то, чего не было, а было написано группой военных писателей. Брежнев искренне в это верил, а во сне – так и красочно представлял.

Второе посещение Малой земли было отмечено тем, что взрывом снаряда его контузило и сбросило в воду залива. Матросы сейнера «Рица» его спасли.

Во сне Леонид Ильич видел это со стороны. Его высоко подбрасывает взрывной волной, он беспорядочно кувыркается, но стремится перейти в управляемый полёт. В какой-то момент рядом с собой видит летящего Люцифера. Генеральская шинель на нём расстёгнута, серо-гряз-

ные крылья распушены. Брежневу всё хочется постичь, что больше помогает лететь Люциферу – полы шинели или крылья. То вдруг узнаёт в нём генерала Давида Ортенберга. То Лазаря Кагановича. И тот, и другой влияли на его военную карьеру в 18 армии.

– Вам, дорогой Лазарь Моисеевич, мой горячий фронтовой привет... Работаю начальником политотдела 18-й армии... Не забыл всех ваших указаний, – во сне, но уже просыпаясь, вслух говорит Брежнев.

Нина не прислушивается. Ей неинтересно:

– Вставай, Лёня, пора, все собрались уже.

– Присядь ко мне, – Брежнев открыл глаза, уткнулся подбородком в её тугую грудь, – ты с нами поедешь.

Действие второе. Завидово.

Кругом тяжёлый, посеревший снег, дороги и тропинки между домами вычищены. Возле постройки с поленницей дров у стены – егерь. На длинном, добротном сбитом столе – разделанный кабан. Порубленные и завёрнутые в чистую ткань куски предназначаются гостям. Первым приехал Брежнев с Ниной Александровной. Затем остальные на своих машинах: Косыгин и Пётр Андреевич Столыпин долго не выходят из машины, о чём-то темпераментно разговаривают. Юрий Владимирович приехал с Берией. Вышинский и Шейнин приехали на одной машине. Шейнин за рулём, рядом – Вышинский, Каин – на заднем сидении. Суслов вышел из машины один.

– Алексей Николаевич, вот вы не умеете делать ложки, притом очень хотите. Я так думаю, вы идёте к ложкорезу и внимательно смотрите все его операции – учитесь. Так какого чёрта вам далась эта коллективизация. Вы наверняка изучали опыт 906–910 годов. Сельские общины не получились, принесли только упадок. Только прямая собственность крестьян поднимала сельское хозяйство. Нет, вы опять на те же грабли, – разбитый пулей Багрова крест святого Владимира на груди Столыпина задрожал. Из пулевого отверстия показалась капелька крови.

– Им, Пётр Аркадьевич, нестерпимо хотелось положить учение Ленина в жизнь, – Люцифер сидел на крыше автомобиля, крылья его свисали по обе стороны открытых дверей. – К тому времени у них нагрелась вода в пулемётах, а как хотелось длинными очередями по умирающему крестьянству.

– Ну, согласитесь, Пётр Аркадьевич, насколько идеологически красивее выглядел бы труд коллективного хозяйства. Просто песня!

– Реквием, Алексей Николаевич, реквием. А промышленность, но это уже не при нас, позже. Вы же своим импортом по рукам производителю бьёте. А мы – санкции на ввоз. Не Европа, заметь, мы вводили жёсткие санкции, – Столыпин распался всё сильнее. – И у нас были свои Чубайсы и Гайдары, и тоже близко ко двору были.

– Вы, Пётр Аркадьевич, тоже не ангелок, кровушки достаточно пролито было, – Косыгин поправил галстук.

– Да, в год полторы тысячи человек к высшей мере приговаривали. Это говорит о том, что в условиях дикого напора терроризма приходилось проводить реформы, а ты подчёркиваешь правительственную или мою кровожадность? Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия!

– К столу, дорогой Алексей Николаевич, а то Суслову без вас скучно, – Брежнев рукой показал на пустое место рядом с Суловым.

Люцифер со Столыпиным не уходили, а медленно растворялись в надвигающихся сумерках.

– Тяжёлый вы человек, Пётр Аркадьевич, как мне было невозможно с вами и как легко с ними, – Люцифер повернулся к столу. Столыпин промолчал.

Стол без ресторанного изыска накрыт богато. В больших белых, без рисунка фарфоровых чашках отдельно – жареное на костре и варёное мясо оленя, посередине – большая горка овощей. Хлеб. Егерь колготится у кирпичного мангала. В рюмках – водка. Рядом с Брежневым – Нина Александровна, вполоборота к столу, как бы и не за столом.

– Михаил Андреевич, зачни-ка тостом, мясо на ветру стынет, – Брежнев взял рюмку.

– Товарищи, я предлагаю выпить за здоровье нашего Генерального Секретаря, неутомимого борца в деле строительства социализма.

Брежнев, не дожидаясь конца тоста, выпивает. Выпивают остальные. Молча, закусывают. Налили.

– Я предлагаю выпить за удачную охоту, за прекрасного следопыта и замечательного стрелка, – Косыгин неудобно встал, ему мешала длинная лавка (это не стул, не отодвинешь). Алексей Николаевич не любил охоту, но часто принимал в ней участие. Терпеливо стоял на номерах. Но стрелять почти не стрелял, да и зверь редко выходил в сектор его выстрела – не везло. А Брежнева он отмечал как настоящего охотника. Как «правильного» – любили говорить егеря.

– И этот выстрел был просто удивительный, шагов за сто пятьдесят и в голову. Просто поражаюсь, – Егерь принёс горячие, с костра, куски мяса.

Брежнев хотел было отнекиваться – не он добыл этого оленя.

Стрелять он тоже давно не стрелял. Руки плохо держали штуцер. Оптическим прицелом разбивал либо глаз, либо щёку. Врачам подолгу приходилось маскировать его синяки и ссадины.

– Давайте закончим с Каином, выпьем подарочного рома – Фидель ящик семилетнего Habana Club в последний раз оставил – и в баньку.

– Кто может что-то толковое сказать по этому вопросу, – Брежнев посмотрел в сторону Вышинского и Шейнина.

Вышинский поставил рюмку на стол, собирается встать, отличает деловую речь от тоста.

– Шейнин, пожалуйста, вы. Только короче, – заключает Брежнев.

– Лучше всего разъяснил бы нам философ Платон, но не думаю, что у него получилось короче.

– Не умничайте, Лев Романович, – перебил его Брежнев, – продолжайте.

– В своих молитвах и жертвах Господу Каин отличался заметной неискренностью, Бог гневался и посылал новые и новые испытания. На этот раз тоже – чтобы понять, насколько лоялен Каин к Божественному Началу. Он демонстративно отвергает дары Каина, а принимает дары Авеля. Этим приёмом пользовались и потом. Например, Сталин, чтобы определить безоговорочную преданность своих товарищей по партии, брал и сажал их жён в тюрьмы, других расстреливал. Но, вернёмся. Неукротимая ярость овладела Каином, и он ударил Авеля посохом. От полученной травмы Абель скончался.

Теперь, товарищи, было ли убийство умышленным? Скажу, нет. Ни что такое жизнь, ни что такое смерть, первым людям земли было неизвестно. А было их всего – Адам, Ева и дети их, Каин и Абель. Смерти как биологического прекращения жизни Каин не хотел, да и не мог хотеть. А ударил, да, во гневе.

Бог дал Каину возможность покаяться, спросил: «Где Абель, брат твой?» На что Каин дерзко, но искренне, ответил: «Не знаю, разве я сторож брату моему?» Всё это я говорю по материалам книги Моисея «Бытие», глава 4.

Каин, товарищи, – продолжал Шейнин, – не мог оценить случившееся как убийство, как смерть. И на основании этого, товарищи, предлагаю – считать наказание Каину достаточным и справедливым. Не будем же мы, товарищи, ставить под сомнение деяния Господни, – аккуратно, не толкая соседей, сел.

Суслов опять засуетился, намереваясь взять слово.

– На том и закончим, товарищи, есть мнение согласиться с товарищем Шейниным. А вы, товарищ Сулов, лучше постарайтесь предстоящий мартовский пленум по сельскому хозяйству привязать к моей книге «Целина», а то мы Библию лучше цитируем, чем мои книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.